

20 000 лье под водой

Про книгу

Профессор Аронакс и его друзья волею судьбы оказываются на борту подводного судна «Наутилус», которым управляет загадочный капитан Немо.

Экипаж «Наутилуса» совершит путешествие вокруг земного шара, сразится с удивительным морским чудовищем и преодолеет множество опасностей.

мир приключений и тайн

Жюль Верн

20 000 ЛЬЕ ПОД ВОДОЙ

Мир приключений и тайн

Мир приключений и тайн

Для среднего школьного возраста

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАУЧ-СТЕЖЕНОГО ДОСУГА
Харьков Белгород
2012

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2014

ISBN 978-966-14-7463-4 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Верн Ж.

В35 20 000 лье под водой / Жюль Верн ; предисл. и адаптация А.
Климова ; худож. М. Курдюмов. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», 2012. — 240 с. : ил. — (Серия «Мир
приключений и тайн», ISBN 978-966-14-3982-4 (серия), ISBN 978-
966-14-3984-8 (Украина).

Адаптация Андрея Климова

Оформление серии Михаила Курдюмова

Дизайнер обложки Наталья Переходенко

В оформлении обложки использована иллюстрация *Михаила
Курдюмова*

Художник Михаил Курдюмов

УДК 821.133.1
ББК 84.4ФРА

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2012

На пороге эпохи чудес

Жюль Верн, великий французский писатель и гуманист, родился в 1828 году в богатом портовом городе Нанте в семье адвоката. Когда ему исполнилось двадцать, родители отправили юношу в Париж, где он должен был получить юридическое образование. Однако их надежды не оправдались. Молодой Жюль Верн оказался из числа тех, кого гораздо позже в романе «Дети капитана Гранта» он назвал «кузнецами собственной судьбы». Уже через год он оставил учебу и занялся литературой. В ту пору он писал водевили и комедии в стихах, сотрудничал в популярных журналах. Целое десятилетие полуголодной и неустроенной жизни в мансардах, без гроша, но с неугасимой верой в свою счастливую звезду.

Осенью 1862 года вышел в свет первый роман писателя — «Пять недель на воздушном шаре», который сразу же завоевал признание и был переведен на все европейские языки. За первым романом последовали настоящие шедевры — «Путешествие к центру Земли» (1864), «С Земли на Луну» (1865), «Дети капитана Гранта» (1868), «20 000 лье под водой» (1870), «Вокруг света за 80 дней» (1872), «Таинственный остров» (1875) и «Пятнадцатилетний капитан» (1878), которые принесли Жюлю Верну всемирную известность.

Книга, которую вы держите в руках, — одна из тех, что сегодня называют «культовыми». «20 000 лье под водой» буквально завораживала молодых современников, служила источником вдохновения для ученых, изобретателей и путешественников. Идеи и научные предвидения, во множестве рассыпанные по ее страницам, спустя несколько десятилетий с невероятной точностью превращались в реальность, заставляя снова и снова удивляться прозорливости писателя. Недаром сам Жюль Верн отметил: «То, что один человек способен представить в своем воображении, другие вполне способны воплотить в жизнь».

Обычно считают, что все книги Жюля Верна можно разделить на «романы о науке» и «романы о необыкновенных путешествиях», но на самом деле писатель создал совершенно новый род литературы —

волшебную сказку, в которой на смену вере в чудеса пришла вера во всемогущество знания и силу человеческого духа.

Что же послужило толчком к созданию «20 000 лье под водой»? Каждого, кто выходит в открытое море, потрясают две бездны: небо над головой и непостижимая глубина под килем. Жюль Верн первым с помощью своего могучего воображения попытался проникнуть в пучины Мирового океана. Но прежде он изучил все существовавшие и выдуманные подводные аппараты. Подводный корабль проектировал Леонардо да Винчи, его же изобразил в 1627 году английский философ Фрэнсис Бэкон в утопии «Новая Атлантида». Со времен античности был известен водолазный колокол, своего рода батискаф, в котором можно было ненадолго погружаться на небольшие глубины. С его помощью английский писатель Даниель Дефо, автор «Приключений Робинзона Крузо», пытался поднимать грузы с затонувших кораблей, но потерпел неудачу. В 1797 году инженер-изобретатель Роберт Фултон создал проект первой подводной лодки «Наутилус», за которым последовали проекты «Наутилус-II» и «Наутилус-III», и, наконец, в 1800 году субмарина Фултона проплыла под водой почти полкилометра на глубине около восьми метров. Лодка приводилась в движение веслами, ею управляли два моряка. Однако миру запомнился другой «Наутилус» — созданный фантазией французского писателя.

Но «Наутилус» Жюль Верна был всего лишь средством проникновения в глубины. А что там, куда не заглядывал ни один смертный? Верно ли, что там обитают гигантские чудовища? Действительно ли на дне морском покоятся несметные сокровища? Правда ли то, что океан хранит неисчислимы запасы полезных ископаемых и пищи для всего человечества? Тайны подводного мира, в то время еще совершенно не исследованного, открывали перед фантастом безграничные возможности — и он использовал их в своем романе сполна.

Однако требовался герой, который приоткрыл бы читателю эти тайны. Кто он? Как и почему оказался под водой? Вглядываясь в морскую пучину, Жюль Верн пришел к мысли, что подводный мир хранит не только секреты природы, но и человеческие тайны. А что,

если существует некто, скрывающийся там, в глубине, от мира людей? В самом деле — лучшего убежища и не придумать!

Так, едва ли не впервые в истории приключенческого жанра, возник прообраз столь популярных сегодня «супергероев» — капитан Немо. Окутанный ореолом тайны, гениально одаренный, на полвека опередивший свое время, но противостоящий всему свету, обладающий неслыханным техническим могуществом, Немо в то же время живой и страдающий человек, переживающий серьезную внутреннюю драму. Влюбленный в море, он убежден, что только там человек избавится от жестокости и несправедливости и сможет жить поистине свободной жизнью.

Капитан Немо — человек-загадка. В нем уживаются гордость, решительность, железная воля, отчужденность — и милосердие, способность глубоко и бурно переживать, испытывать живой интерес к природе и истории. Личность героя отличается невероятным богатством — Немо блистательный ученый, инженер и конструктор, исследователь океана, знаток искусства и литературы. В его коллекциях на легендарном «Наутилусе» собраны шедевры живописи, литературы, поэзии, он владеет многими языками и является ценителем музыки и незаурядным исполнителем. В то же время его прошлое покрыто непроницаемой завесой тайны, которая лишь отчасти приоткрывается в романе.

Сочетание удивительных приключений и глубочайшей человеческой драмы — вот причина, по которой роман «20 000 лье под водой» по праву считается вершиной творчества Жюль Верна, подлинной жемчужиной литературы.

За сорок лет, начиная с 1862 года, писатель опубликовал 66 книг. Но даже смерти не удалось заставить его умолкнуть. Творческий багаж Жюль Верна был так велик, что еще в течение пяти лет после его кончины каждые шесть месяцев читатели открывали новый том «Необыкновенных путешествий», а последняя книга писателя — «Париж в XX веке» — была опубликована лишь в 1994 году.

По данным ЮНЕСКО, к началу XXI века Жюль Верн стал самым «переводимым» писателем на земле — его книги продолжают регулярно выходить на 138 языках.

Часть 1

1. Блуждающий риф

Многим капитанам и судовладельцам 1866 год запомнился удивительными происшествиями. С некоторого времени мореплаватели стали встречать в открытом океане длинный, светящийся в темноте веретенообразный предмет, превосходивший размерами и скоростью передвижения самого крупного кита.

Легко представить, как взволновало умы это необычное явление, хотя кое-кто пытался объявить сообщения моряков пустыми выдумками.

Однако 20 июля 1866 года судно «Губернатор Хиггинсон» встретило в море в пяти милях от восточных берегов Австралии гигантскую темную плавающую массу. Капитан решил, что перед ним не нанесенный на карты риф, и принялся определять координаты, но тут из недр темной массы вырвались два водяных столба и взлетели в воздух метров на пятьдесят. Явление это весьма походило на фонтаны, которые выбрасывают из ноздрей морские млекопитающие.

Двадцать третьего июля того же года нечто подобное наблюдали в водах Тихого океана с парохода «Христофор Колумб» в двух с половиной тысячах километров от Австралии.

А пятнадцать дней спустя в восьми тысячах километров от этого места пароходы «Гельвеция» и «Шэннон», встретившись в Атлантическом океане на пути между Америкой и Европой, обнаружили таинственное чудовище в точке с координатами $42^{\circ} 15'$ северной широты и $60^{\circ} 35'$ западной долготы.

Эти сообщения очень встревожили и заинтересовали общественность. Морское чудовище вошло в моду: о нем распевали в кафе, над ним потешались в газетах, его комически изображали на театральных подмостках. В научных обществах и на страницах специальных журналов разгорелась яростная полемика между верующими и неверующими, были пролиты потоки чернил и типографской краски и даже несколько капель крови, так как в одном случае спор закончился дуэлью на рапирах.

К началу 1867 года вопрос о новоявленном морском гиганте, казалось, был похоронен без надежды на воскрешение. Но тут появились новые факты. И на сей раз речь шла уже не о научной проблеме, а о реальной опасности.

Пятого марта 1867 года канадский пароход «Моравия» на полном ходу врезался в подводную скалу, не обозначенную ни на каких штурманских картах. Удар был настолько силен, что, если бы не прочность корпуса судна, все закончилось бы гибелью парохода, экипажа и пассажиров.

Столкновение произошло около пяти часов утра при полном безветрии. Вахтенные офицеры кинулись к корме, но ничего подозрительного не обнаружили, если не считать очага волнения на расстоянии трех кабельтовых от судна. Определив координаты, «Моравия» продолжила свой путь, так и не выяснив, с чем она столкнулась. Так или иначе, но по прибытии в порт обнаружилось, что часть судового киля сильно повреждена.

Три недели спустя все повторилось с величайшей точностью, но пострадавшее судно на сей раз принадлежало крупнейшей пароходной компании, и случай получил широкую огласку.

Тринадцатого апреля 1867 года пароход «Шотландия», принадлежавший компании «Кунард-лайн», находился в точке с координатами $15^{\circ} 12'$ западной долготы и $45^{\circ} 37'$ северной широты. Море было спокойным, дул легкий ветер. Колеса парохода мерно рассекали морские волны.

В 4 часа 17 минут пополудни корпус парохода вздрогнул от легкого удара в кормовую часть. По характеру толчка можно было предположить, что удар нанесен каким-то острым предметом, при этом он был настолько слабым, что никто не обратил бы на него внимания, если бы кочегары вскоре не доложили на мостик о течи в трюме.

В первую минуту пассажиры всполошились, но капитан Андерсон успокоил их. Для парохода, разделенного водонепроницаемыми переборками на семь отсеков, небольшая пробоина не представляла серьезной опасности. Тем не менее капитан тотчас спустился в трюм и обнаружил, что пятый отсек полностью залит водой.

Андерсон распорядился остановить машины и приказал одному из матросов спуститься в воду и осмотреть пробоину. Вскоре выяснилось,

что пробоина в подводной части борта «Шотландии» имеет ширину около двух метров. Заделать ее в море не было возможности, и судно, глубоко осевшее в воду, продолжило свой путь и добралось до Ливерпульского порта с опозданием на три дня.

Пароход был поставлен в док, и инженеры компании осмотрели его. В корпусе, в двух с половиной метрах ниже ватерлинии, зияла пробоина в виде аккуратного равнобедренного треугольника. Края ее были такими гладкими, будто отверстие сделали резцом, причем орудие, пробившее листовую сталь толщиной в четыре сантиметра, должно было иметь фантастическую прочность. И при этом оно само собой высвободилось из пробоины!

С этого времени всякие разговоры о некоем «блуждающем рифе» прекратились и все морские катастрофы, причины которых остались невыясненными, теперь относили на счет морского чудовища. Таинственному гиганту пришлось отвечать за многое — ведь из трех тысяч судов, тонущих ежегодно, примерно двести считаются пропавшими без вести.

Так или иначе, но сообщение между Европой и Америкой оказалось под угрозой, и публика в унисон с газетами требовала, чтобы океан был любой ценой очищен от грозного монстра.

2. «За» и «против»

Именно в это время я, Пьер Аронакс, профессор при Парижском музее естественной истории, возвращался из путешествия по Северной Америке. Собрав за шесть месяцев экспедиции великолепные коллекции, в конце марта я прибыл в Нью-Йорк. Я предполагал выехать во Францию в первых числах мая, а все оставшееся до отъезда время посвятил классификации моих сокровищ — минералов, образцов растений и животных.

Конечно же, я был в курсе событий, так встревоживших общественность, так как читал все американские и европейские газеты. Теперь одни журналисты приписывали все беды животному колоссальной величины, другие предполагали, что виновником столкновений было подводное судно с неслыханно мощным двигателем.

Но кто и где мог бы построить такое судно? Только могущественное государство в наши дни способно на нечто подобное. Сегодня, когда человеческий ум изощряется в изобретении смертоносных орудий, легко представить, что одна из стран втайне от остальных соорудила и испытывала некую грозную машину.

Однако правительства всех крупнейших держав в один голос заявили о своей непричастности к таким проектам, и это было правдой. Вот почему на поверхность вновь всплыло пресловутое чудовище, которому бульварная пресса придала самые нелепые и фантастические черты.

По возвращении в Нью-Йорк меня не раз приглашали для консультаций по этому животрепещущему вопросу. Во Франции я выпустил в свет двухтомник под общим названием «Тайны морских глубин». Эта книга принесла мне славу специалиста в малоизученном разделе естественной истории. Меня просили высказать свое мнение, но в моем распоряжении не было никаких фактов, и я не выдвигал никаких версий, ссылаясь на неосведомленность. Но однажды, буквально загнанный в угол репортерами «Нью-Йорк Геральд», я наконец сдался.

Привожу выдержку из статьи, опубликованной в этой газете 30 апреля.

«Итак, — писал я, — взвесив одну за другой все гипотезы, я вынужден допустить существование морского животного, обладающего огромной мощью.

Будем рассуждать логически. Нам пока не известны все виды животных, населяющих нашу планету. Поэтому вполне можно предположить, что в глубинах океана обитают неизвестные рыбы или китообразные, приспособившиеся к жизни в условиях огромных давлений и лишь время от времени всплывающие на поверхность океана.

С другой стороны, это животное может относиться к одному из уже известных видов, и в этом случае я готов допустить существование «гигантского нарвала».

Обыкновенный нарвал, млекопитающее из семейства нарваловых, часто достигает 15 метров в длину. Удесятерите его размеры, наделите животное силой, пропорциональной его массе, соответственно увеличьте бивень — и вы получите чудовище! Причем именно такое, которое способно протаранить борт океанского парохода.

В самом деле, нарвал вооружен подобием костяного копья, обладающего твердостью стали. Следы от ранений им не раз находили на теле китов, которых нарвал часто атакует. Случалось, что осколки бивня нарвала извлекали из деревянных корпусов судов, которые они пробивают насквозь. Теперь представим себе бивень в десять раз больше, животное в десять раз сильнее, вообразим, что оно движется со скоростью тридцати миль в час, помножим массу животного на скорость, и причина катастрофы «Шотландии» станет ясна.

Одним словом, я склоняюсь к мнению, что мы имеем дело с морским единорогом гигантских размеров, вооруженным грозным тараном, как некоторые военные суда».

Статья моя стала популярной, у меня даже появились единомышленники.

Но если для некоторых эта таинственная история представляла сугубо научный интерес, то для людей практических, заинтересованных в безопасности трансокеанских сообщений, необходимость избавить моря от страшного зверя была очевидной.

Дошло до того, что страховые компании резко повысили ставки платежей, ссылаясь на новую опасность для мореплавателей.

И вскоре в Нью-Йорке началась подготовка к экспедиции, целью которой было уничтожение или отлов нарвала-гиганта. Быстроходный фрегат «Авраам Линкольн» должен был в ближайшее время выйти в море. Для его капитана Джона Фарагута были открыты военные склады, и он спешно оснащал свой корабль самым современным вооружением.

Но, как случается сплошь и рядом, именно тогда, когда дошло до дела, животное внезапно исчезло. Целых два месяца о нем не было ни слуху ни духу. Единорог словно почувствовал, что против него готовится военная операция. Фрегат был полностью снаряжен, снабжен лучшими китобойными средствами, но куда ему направиться, никто не знал. И лишь второго июля телеграф принес слух, что пароход, совершающий рейсы между Сан-Франциско и Шанхаем, три недели назад встретил гигантское животное в водах северной части Тихого океана.

В двадцать четыре часа на борт «Авраама Линкольна» было погружено продовольствие, а трюмы до отказа наполнены углем. Оставалось лишь развести пары и отдать швартовы.

А за три часа до отплытия «Авраама Линкольна» мне срочно доставили письмо следующего содержания:

«Достопочтенный сэр!

Если Вы соблаговолите присоединиться к экспедиции на фрегате «Авраам Линкольн», правительство Соединенных Штатов Америки испытает глубокое удовлетворение, так как в Вашем лице Франция примет участие в важном для обеих стран предприятии. Капитан Фарагут извещен и предоставит в Ваше полное распоряжение каюту.

Всецело преданный Вам,

военно-морской министр Д. Б. Гобсон».

3. «Как будет угодно господину профессору»

До того момента я и не помышлял об охоте за морским единорогом. Я только что вернулся из экспедиции, устал и нуждался в отдыхе. Я мечтал оказаться на родине, где были мои друзья и мои драгоценные коллекции. Но ничто не могло удержать меня от участия в экспедиции. Все было забыто в один миг! Не раздумывая, я принял предложение американского правительства.

— Консель! — нетерпеливо крикнул я.

Консель был моим слугой и помощником и сопровождал меня повсюду. Я был привязан к нему, и он платил мне взаимностью. Флегматичный, добропорядочный, исполнительный, философски относящийся к любым неприятностям, он был мастером на все руки, а вращаясь в кругу моих коллег, и сам кое-чему научился.

С тех пор как мне исполнилось тридцать лет, Консель уже на протяжении целого десятилетия сопутствовал мне во всех экспедициях. Он готов был в любую минуту отправиться куда угодно, хоть в Китай, хоть в Конго, и при этом отличался завидным здоровьем, крепкими мускулами и, как казалось, стальными нервами.

Правда, у Конселя был один недостаток: он неизменно обращался ко мне в третьем лице — манера, чрезвычайно раздражавшая меня.

— Консель! — вторично позвал я, с лихорадочной торопливостью принимаясь за сборы.

— Господин профессор изволили звать меня? — спросил мой слуга, входя.

— Да, друг мой, начинай укладывать мои и свои вещи. Мы отправляемся через два часа.

— Как будет угодно господину профессору, — невозмутимо ответил Консель.

— Уложи в чемодан мои дорожные принадлежности, костюмы, рубашки, носки, и поживее!

— А коллекции господина профессора? — спросил Консель.

— Мы займемся ими позже. Они останутся на хранении в гостинице. Я распоряжусь, чтобы их отправили во Францию.

— Разве мы едем не в Париж?

— В общем, да, но придется сделать небольшой крюк. Иными словами, мы отплываем на фрегате «Авраам Линкольн», чтобы поохотиться за пресловутым нарвалом, о котором ты наверняка

слышал. Разве автор «Гайн морских глубин» может отказаться от участия в такой экспедиции?

— Куда господин профессор, туда и я, — сказал Консель.

Через четверть часа чемоданы были уложены, и коридорный отнес наши вещи в вестибюль гостиницы. Я расплатился по счету, распорядился, чтобы мои тюки с образцами были отправлены во Францию, и мы с Конселем прыгнули в наемный экипаж.

Часом позже мы были в Бруклинском порту, где у причала стоял под парами «Авраам Линкольн». Я взбежал по трапу на борт, представился капитану — мужественному офицеру с отличной выправкой, и выяснил, где находится предоставленная нам каюта.

«Авраам Линкольн» был быстроходным фрегатом, оборудованным самыми совершенными паровыми машинами, которые позволяли ему развивать скорость свыше восемнадцати морских миль в час. Внутренняя отделка судна соответствовала его мореходным качествам. Наша каюта располагалась в кормовой части фрегата, короткий проход связывал ее с кают-компанией.

Я предоставил Конселю распаковывать чемоданы, а сам поднялся на палубу. Как раз в эту минуту капитан Фарагут приказал отдать концы. Опоздай я на четверть часа — и мне не довелось бы участвовать в экспедиции, самое достоверное описание которой может показаться невероятным вымыслом.

«Авраам Линкольн» величественно отошел от причала и направился вниз по Ист-Ривер, сопровождаемый сотней катеров и буксиров, устроивших экспедиции торжественные проводы. Набережные Бруклина были полны народа.

В три часа пополудни лоцман покинул штурманский мостик и спустился в шлюпку. Капитан дал команду поднять пары; лопасти винта все быстрее рассекали воду, и к восьми часам вечера береговые огни скрылись из виду.

Теперь фрегат шел полным ходом по темным водам Атлантики.

4. Нед Ленд

Капитан Фарагут был опытным моряком, достойным великолепного судна, которым командовал. Но главное — он верил в существование гигантского нарвала и поклялся настичь чудовище.

Команда разделяла мнение своего капитана и с самым пристальным вниманием вела наблюдение за окрестными водами. Их энтузиазму способствовало и то, что капитан Фарагут посулил премию в две тысячи долларов тому, кто первым заметит животное!

Я также проводил целые дни на палубе, и лишь Консель оставался равнодушным к цели нашей экспедиции и не разделял возбуждения, царившего на борту.

Ни одно китобойное судно не могло быть снаряжено лучше, чем «Авраам Линкольн». У нас имелось все — от ручных гарпунов до усовершенствованной американской пушки, стрелявшей четырехкилограммовыми снарядами конической формы на расстояние до шестнадцати километров.

Мало того, на борту фрегата находился Нед Ленд, король гарпунеров. Этот уроженец Канады был искуснейшим китобоем, не знавшим себе равных. Ловкость и хладнокровие, смелость и сообразительность сочетались в нем в равной степени. Неду Ленду было около сорока лет. Это был рослый и крепкий, суровый с виду мужчина, необщительный и вспыльчивый; с его лица не сходило выражение непреклонной воли и целеустремленности. По твердости руки и верности глаза король гарпунеров один стоил целого экипажа.

Канадец — тот же француз, и надо сказать, что Нед Ленд, несмотря на свой суровый нрав, вскоре почувствовал ко мне расположение. Он был выходцем из старинной квебекской семьи, в его роду было немало смелых рыбаков еще в ту пору, когда город принадлежал Франции, и ему доставляло удовольствие говорить со мной по-французски.

Я охотно слушал его рассказы о приключениях в полярных морях, но вот что меня удивило: Нед Ленд абсолютно не верил в существование гигантского нарвала и не разделял царившего на борту фрегата

воодушевления. Когда я пытался заговорить с ним об этом, он попросту умолкал.

Итак, нам предстояло обогнуть Южную Америку, миновать Магелланов пролив и, поднявшись вдоль западного побережья Американского материка, достигнуть северной части Тихого океана. Именно там в последний раз чудовище дало о себе знать.

Великолепным вечером 30 июля, спустя три недели после того, как мы покинули Нью-Йорк, фрегат находился у мыса Бланка, всего в тридцати милях от берегов Патагонии. Мы пересекли тропик Козерога; еще семьсот миль к югу — и перед нами откроется вход в Магелланов пролив.

Сидя с Недом Лендом на юте, мы толковали о всякой всячине, не сводя глаз с поверхности моря. Разговор, естественно, коснулся гигантского нарвала, но Нед вновь уклонился от обсуждения этого вопроса. Тогда я пошел напролом.

— В чем дело, Нед? — спросил я. — Почему вы не верите очевидным фактам?

Гарпунер взглянул на меня, прикрыл глаза, собираясь с мыслями, и наконец проговорил:

— Имею основания, мсье Аронакс. Если невежда верит, что в недрах земного шара обитают допотопные ящеры, — это еще куда ни шло! Но геологу и натуралисту такие сказки смешны. Я китобой и твердо знаю: как бы ни были велики и сильны эти животные, они не в состоянии пробить стальную обшивку парохода.

— Но ведь есть свидетели того, как бивень нарвала дырявил обшивку судов насквозь.

— Какие-нибудь деревянные скорлупки! — презрительно бросил канадец. — Но и этого я не видел своими глазами.

— Послушайте, Нед...

— Нет уж, профессор! Все что угодно, только не кит и не нарвал. Хотел бы я знать, почему даже вы считаете гигантское китообразное вполне реальным?..

— Факты! Просто сопоставляя факты, я убеждаюсь в существовании грандиозного организма, принадлежащего, как и киты, кашалоты или дельфины, к позвоночным и наделенного бивнем исключительной прочности. И заметьте, Нед, — продолжал я, — такое животное

должно обладать невероятной физической силой, чтобы выдерживать давление воды на глубине нескольких миль.

— В самом деле? — прищурился Нед.

— Именно так. Давление морской воды на глубине ста метров составляет десять атмосфер, на глубине тысячи метров — сто атмосфер, а на глубине десяти километров, или двух с половиной тысяч метров, — тысячу атмосфер. Иначе говоря, если бы вам удалось опуститься на такие глубины, на каждый квадратный сантиметр вашего тела приходилось бы давление в одну тонну. А известно вам, какова площадь поверхности вашего тела?

— Понятия не имею, господин Аронакс.

— Около семнадцати тысяч квадратных сантиметров. И на глубине десяти километров давление на него составило бы свыше семнадцати тысяч тонн. Иначе говоря, вас бы просто расплющило, как под гидравлическим прессом.

— Вот дьявольщина! — воскликнул гарпунер. — Видно, на этой твари обшивка из стали в восемь дюймов толщиной, как на кораблях-броненосцах!

— Представьте, какие разрушения может причинить такое существо, ринувшись со скоростью курьерского поезда на корпус судна! Ну как, убедились?

— Да-а... всякое бывает... — задумчиво произнес канадец, все еще не желавший сдаваться. — В одном вы убедили меня, мсье Аронакс: ежели подобные животные существуют, то они и впрямь должны быть сильны.

— Что за упрямец! А чем вы объясните случай с пароходом «Шотландия»?

— Тем... — Нед заколебался. — Тем, что все это сплошное вранье.

Разговор зашел в тупик, и я решил на время оставить гарпунера в покое.

5. Наудачу!

Шестого июля, около трех часов пополудни, «Авраам Линкольн» обогнул мыс Горн и взял курс на северо-запад. Уже на следующее утро винт фрегата пенил воды Тихого океана.

Теперь матросы глядели во все глаза — награда в две тысячи долларов прельщала каждого, за исключением, быть может, только меня. Но и я внимательно вглядывался в море, наспех обедал и беспокойно спал. И какое же волнение охватывало всех на судне, когда кому-либо удавалось заметить вдали фонтаны китов! Но все напрасно — это были всего лишь обыкновенные животные.

Погода стояла прекрасная, хотя время года было самое дождливое — ведь в Южном полушарии июль соответствует нашему европейскому январю; море было тихое, видимость отличная.

Нед Ленд по-прежнему скептически относился ко всей этой суете, предпочитая проводить свободное время в каюте. На мои упреки в равнодушии он неизменно отвечал:

— Ну рассудите сами, господин профессор, если эта тварь и в самом деле существует, много ли у нас шансов выследить ее? Мы ведь плывем наудачу, верно? Болтают, дескать, видели чудовище в северных водах Тихого океана. Так ведь с той поры прошло два месяца, а вы сами мне говорили: «Обладает, мол, неслыханной быстротой передвижения!» Стало быть, если наш нарвал не какой-нибудь там призрак, он уже далеко оттуда!

Мы и в самом деле шли наудачу. Но что оставалось делать? И все же, за исключением гарпунера, ни один человек на борту не сомневался в успехе.

Двадцатого июля мы снова пересекли тропик Козерога, а неделей позже оставили позади и экватор. Теперь фрегат взял курс на запад — к центру Тихого океана, так как наш капитан решил, что гигантского нарвала вероятнее встретить в глубоководных зонах. Фрегат прошел в виду архипелага Паумоту, Маркизских и Сандвичевых островов, пересек тропик Рака и направился в воды у берегов Восточной Азии.

Именно отсюда донеслась последняя весть о встрече с чудовищем. Все были возбуждены до крайности. Люди не ели, не спали. То и дело кто-нибудь поднимал ложную тревогу. Такое напряжение не могло остаться без последствий.

Целых три месяца «Авраам Линкольн» бороздил воды северной части Тихого океана, причем каждый день казался вечностью. Не осталось ни одной точки от берегов Японии до Аляски, которая не была бы обследована. Но никаких признаков неведомого существа нигде не обнаружилось!

Бесплодные поиски не могли продолжаться бесконечно. А поскольку было сделано все возможное, второго ноября к капитану Фарагуту явилась депутация от команды с предложением прекратить скитания в океане и вернуться на родину.

В результате непростых переговоров было принято решение: если в течение трех следующих дней чудовище не будет обнаружено, «Авраам Линкольн» ляжет на обратный курс.

Настроение команды сразу поднялось. С новой энергией люди всматривались в океанские воды, вновь стали нарасхват подзорные трубы и бинокли. «Авраам Линкольн» то шел под малыми парами, то ложился в дрейф, а спущенные на воду шлюпки бороздили море во всех направлениях. Но подводная тайна так и оставалась тайной.

Наступил вечер четвертого ноября. На следующий день, ровно в полдень, истекал оговоренный срок. Фрегат находился менее чем в двухстах милях от Японских островов. Пробыло восемь часов. Густые облака заволокли серп луны.

Я стоял на баке, опершись на поручень. Консель, находившийся рядом, смотрел прямо перед собой. Матросы, взобравшись на ванты, наблюдали за горизонтом.

— Ну, Консель, — сказал я, — в последний раз представляется случай заработать две тысячи долларов!

— С вашего позволения, скажу, — отвечал Консель. — Если бы правительство Соединенных Штатов пообещало не две тысячи долларов, а сто тысяч, оно и в этом случае не потеряло бы ни копейки!

— Ты прав, Консель. Еще шесть месяцев назад мы могли бы вернуться во Францию... Воображаю, как над нами будут потешаться!

— Уж действительно! — невозмутимо подтвердил Консель. — Когда имеешь честь быть таким серьезным ученым, как господин профессор, не следует пускаться во всякие...

Мой слуга не успел закончить. Тишину на палубе нарушил громкий возглас. Это был голос Неда Ленда:

— Ну и дела! Эта штука прямо по ветру, под самым нашим носом!..

6. Под всеми парами

Весь экипаж бросился к гарпунеру. Капитан Фарагут тотчас отдал приказ застопорить машину, и фрегат продолжал движение лишь по инерции.

Луна скрылась за облаками, оставалось только удивляться, как умудрился канадец что-нибудь разглядеть в таком мраке. Сердце у меня колотилось от волнения.

Нед Ленд не ошибся: в двух кабельтовых от «Авраама Линкольна», справа по ходу судна, море было словно освещено изнутри. Но это не было обычное свечение морских организмов. Чудовище, поднявшись из глубин, отдыхало в нескольких метрах под поверхностью океана. Испускающий великолепное сияние предмет имел очертания огромного удлиненного овала, в центре которого свет был особенно ярким, а по мере приближения к краям ослабевал. Кроме того, он перемещался!

На палубе все оцепенели.

— Руль под ветер! — скомандовал капитан Фарагут. — Задний ход!

Матросы кинулись по местам, и «Авраам Линкольн», развернувшись, описал полукруг, удаляясь от светящегося пятна.

Не тут-то было — увеличить расстояние между невиданным существом и судном не удалось. Иначе говоря, оно следовало за нами!

Мы затаили дыхание. В считанные секунды чудовище описало окружность вокруг судна, шедшего со скоростью четырнадцать миль в час, обдав его каскадом лучей, словно светящейся пылью, и мгновенно оказалось от нас на расстоянии двух или трех миль. При этом в море остался фосфоресцирующий след.

Затем от самой линии горизонта чудовище с устрашающей быстротой ринулось на фрегат и, резко остановившись в десяти метрах от борта, мгновенно погасло и сразу же появилось по другую сторону судна, проскользнув под его корпусом. Каждую секунду могло произойти роковое столкновение.

Теперь уже корабль оказался в роли преследуемого, и капитан Фарагут маневрировал, стремясь избежать неведомой опасности. По

характеру свечения чудовища я пришел к выводу, что это существо наделено могучими электрическими органами, подобно амазонским угрям и скатам. О том, чтобы атаковать его до рассвета, не могло быть и речи.

Экипаж фрегата был на ногах на протяжении всей ночи. «Авраам Линкольн» сбавил ход и шел под малыми парами. Сначала нарвал, словно подражая судну, сонно покачивался на волнах и не собирался покидать поле битвы.

Около полуночи он все же исчез, вернее, «угас», как гигантский светлячок, но часом позже в темноте послышались оглушительное шипение и свист — будто из океанских пучин забил мощный фонтан.

Капитан Фарагут, Нед Ленд и я стояли в этот момент на юте.

— Вам ведь приходилось, Нед, слышать, как киты выбрасывают воду? — спросил капитан.

— Много раз, сэр! Но ни разу я еще не встречал кита, один вид которого принес бы мне сразу две тысячи долларов.

— Несомненно, вы заслужили премию. Но скажите: этот свист похож на тот, который издают киты, поднимаясь на поверхность?

— Точь-в-точь, — подтвердил гарпунер. — Это китообразное, и, с вашего позволения, сэр, — прибавил он, — на рассвете я скажу ему пару теплых слов!

— Если оно будет в настроении вас выслушать, мистер Ленд, — заметил я с сомнением.

Канадец только пожал плечами в ответ и усмехнулся.

Около двух часов ночи в пяти милях от «Авраама Линкольна» опять появилось свечение в море. До рассвета мы продолжали вести наблюдение и готовились к бою. Китоловные сети были разложены вдоль бортов, заряжены мушкетоны, выбрасывающие гарпун на целую милю, и ружья, которые бьют наповал слона. Нед Ленд ограничился тем, что наточил свой ручной гарпун — простое, но смертоносное в его руках орудие.

В шесть начало светать, и с первыми лучами утренней зари померкло электрическое свечение нарвала. Через час густой утренний туман застлал горизонт, и в самые лучшие зрительные трубы ничего нельзя было разглядеть.

Я взобрался на бизань-мачту. Несколько офицеров поднялись на марсовые площадки. Наконец завеса тумана заколебалась и начала медленно подниматься вверх. Линия горизонта очистилась.

Неожиданно, как и накануне, послышался голос Неда Ленда.

— Глядите-ка! Эта штука с левого борта, за кормой! — прокричал гарпунер.

В полутора милях от фрегата виднелось какое-то огромное темное тело, выступавшее примерно на метр над поверхностью воды. Позади него пенились волны, и никогда еще не доводилось мне видеть, чтобы хвостовой плавник животного работал с такой силой! Пенистый след описывал дугу, отмечая путь животного.

Фрегат немного приблизился к чудовищу. Конечно же, моряки «Шеннона» и «Гельвеции» несколько преувеличили его размеры — длина животного не превышала девяноста метров. Что касается всего прочего, его тело показалось мне удивительно пропорциональным.

Пока я наблюдал за этим диковинным существом, из его носовых отверстий вырвались два водяных столба высотой около сорока метров. Теперь у меня больше не оставалось сомнений, что это животное принадлежит к отряду китообразных.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ